О Томосе восточных патриархов 1663 г.: Оправдывает ли он притязания Константинополя на особые права в Православной Церкви

Обосновывая претензии на право высшей судебно-апелляционной власти Константинопольского престола в Православной Церкви, в особенности же вторжение на каноническую территорию Русской Церкви и вхождение в общение с низложенными и анафематствованными ею раскольниками, Святейший Патриарх Константинопольский Варфоломей в своем ответе Блаженнейшему Архиепископу Албанскому Анастасию и епископ Христупольский Макарий в своей апологии действий Константинополя ссылаются на исторический документ, кратко именуемый «Свитком восточных патриархов 1663 г.». Учитывая всё это, необходимо подробнее остановиться на обстоятельствах появления и составления «Свитка», проанализировать его содержание в интересующих нас аспектах, установить степень его авторитетности в контексте Предания Церкви, в особенности, позднейших документов догматического характера, издававшихся от имени Патриархов Православного Востока и касавшихся вопросов места и предполагаемых полномочий первенствующей Патриаршей кафедры.

Идея обратиться к восточным или, как тогда еще говорили в России, «вселенским» Патриархам (т.е. Патриархам бывшей «вселенной», «ойкумены», Византийской Империи) в связи с делом патриарха Никона была предложена Царю Алексею Михайловичу Паисием Лигаридом, Газским митрополитом в 1662 году. Последний, на вопрос Царя о средствах к исправлению ситуации в Русской Церкви, ответил: «Отправь грамоты к четырем Восточным Патриархам»[1].

Паисий Лигарид являлся весьма сомнительной личностью, по характеристике профессора С. В. Троицкого, «хорошо оплаченным бессовестным и безнравственным орудием боярской клики и царя, решивших низложить патриарха Никона»[2]. Лигарид окончил униатскую греческую коллегию св. Афанасия в Риме, издавал книги в защиту латинства, в дальнейшем неоднократно обвинялся в распространении пролатинских настроений на православном Востоке. Подтверждением служит свидетельство, содержащееся в одном из писем Льва Алляция, приводимое протоиереем Александром Горским: «Лигарид три года назад удалился из Рима в Константинополь, для посещения своего отечества Хиоса, и для распространения в той стране римской веры»[3]. По некоторым сведениям, сан священника Лигарид принял в Римско-католической церкви. В 1652 г. патриархом Иерусалимским Паисием рукоположен в митрополита Газского. Какова бы ни была точная история приобретения Лигаридом сана пресвитера, как отмечает прот. А. Горский, «продолжительное пребывание Паисия в Риме и обучение в коллегии римской, необходимо

соединенное с отречением от православия; его неправомыслие в сочинениях и осуждение патриархами; весьма вероятные сношения с своими прежними товарищами и знакомыми по римскому училищу, теперь действовавшими в пользу унии в пределах польского владычества, – все это не вымыслы раздраженной мстительности»[4]. Паисий, действительно, не раз был осуждаем восточными патриархами и умер, находясь в состоянии запрещения от Иерусалимского Патриарха Досифея.

21 декабря 1662 г. в Москве был издан Указ Царя Алексея Михайловича о созыве в Москве Собора против Патриарха Никона и о приглашении на этот Собор Восточных Патриархов, к которым были приготовлены соответствующие грамоты, без сомнения, составленные Паисием Лигаридом, являвшимся вдохновителем, двигателем и манипулятором всего процесса вовлечения Восточных Патриархов в суд над Патриархом Никоном. Уже сама превыспренняя и витиеватая стилистика этих грамот выдает руку греческого автора поствизантийской эпохи. Грамоты Восточным Патриархам были отправлены через проживавшего в Москве греческого иеродиакона Мелетия (клирика Константинопольского Патриархата), на которого прямо указал Паисий Лигарид. Мелетий был доверенным лицом Лигарида, проживал в доме последнего и получал жалование из общей суммы, выделявшейся на содержание свиты Паисия. Будучи агентом Лигарида, Мелетий получил от него письменные инструкции «о том, что он должен говорить устно, как бы от Царя, т.е. проект вопросов, с делом связанных, и ответов, наиболее соответствующих намеченной цели»[5]. Сама эта запись была показана Мелетием Патриархам Константинопольскому Дионисию и Иерусалимскому Нектарию.

Итак, в связи с царским запросом из России по делу патриарха Никона в Константинополе был составлен документ, озаглавленный «Свиток (томос) некоторых вопрошений потребных, на них же ответы учинены суть от святейших и блаженнейших четырех Патриархов»[6]. Эти ответы завершаются определением: «Постановлено убо общее и соборное слово есть…»[7]. На этом основании ряд историков именуют рассматриваемый документ «соборным определением». А епископ Христупольский Макарий прямо утверждает: «В 1663 году на Константинопольском Соборе, который проходил с участием всех Восточных Патриархов и был собран для рассмотрения вопросов богословского, литургического и канонического содержания, поднятых Московским Патриархатом…»[8]

Именование Свитка 1663 г. «соборным определением» и прямое утверждение епископа Макария о проведении в 1663 г. некоего «Константинопольского Собора» с участием всех Восточных Патриархов не соответствует действительности. Установленным и неоспоримым историческим фактом является то, что Свиток был составлен в 1663 г. в Стамбуле только двумя восточными патриархами – Константинопольским Дионисием и Иерусалимским Нектарием. Патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий в столице Османской Империи отсутствовали.

Они подписали документ значительно позже и не в Стамбуле: Александрийскому Паисию список Свитка был отвезен вышеупомянутым иеродиаконом Мелетием, а Антиохийскому Макарию монахом от Нектария Иерусалимского. «Константинопольский Собор всех восточных патриархов» в 1663 г. не был собран.

То, что подписи собирались под готовым текстом у разных иерархов, свидетельствуется и различием числа подписей под двумя списками Свитка 1663 г.[9] Под одним из них стоят подписи только четырех патриархов, под другим, помимо тех же патриархов, подписи четырнадцати митрополитов и шести чиновников Константинопольского Патриархата. Очевидно, под одним из списков стали собирать подписи приключившихся в Стамбуле по делам архиереев. Причем само расположение дополнительных двадцати архиерейских и чиновничьих подписей выдает тот факт, что изначально текст не готовился к подписанию кем-либо еще, кроме патриархов – на оставшемся после подписи патриарха Нектария микроскопическом поле внизу, сбоку, между строк, накладываясь друг на друга, собиравшиеся подписи едва втиснуты на страницу, присутствовать на которой они изначально не должны были.

Если Патриарх Варфоломей и епископ Макарий считают, что «Собором» можно считать рассылку текста на подпись патриархам, пребывавшим за сотни, если не тысячи километров от места его составления, то тогда надо признать бессмысленным проведение Вселенских Соборов, например, Третьего, ведь Соборным решением можно было объявить саму переписку, выявившую единомыслие предстоятелей двух первых кафедр Древней Церкви: святителей Кирилла Александрийского и Целестина Римского.

Обращает на себя внимание также содержащееся в ответе главе Албанской Церкви архиепископу Анастасию утверждение патриарха Варфоломея, что авторы Свитка 1663 г. составили его с целью разрешения «25 глав, заданных им клиром Русской Церкви» [10]. Епископ Христупольский Макарий заявляет, что мнимый «Константинопольский Собор» 1663 г. был созван «для рассмотрения вопросов…, поднятых Московским Патриархатом». Эту мысль епископ Макарий подчеркивает еще раз: «Московская Церковь подняла тогда вопрос…»[11]. Сказанное не соответствует действительности. Ни один клирик Русской Православной Церкви не обращался с изложенными в Свитке вопросами. Возможно, имеется в виду грамота, реакцией на которую явился Свиток, но она была подписана Царем Алексеем Михайловичем, а не клиром Московского Патриархата.

Переходя к содержанию Свитка 1663 г., Патриарх Варфоломей пишет Блаженнейшему Архиепископу Анастасию: «В 8-м вопросе «принадлежит ли Константинопольскому Престолу всякий суд в других Церквях и от него ли получает всякий церковный вопрос свое завершение?» ответили, что «это преимущество имел Папа до того, как разделилась Кафолическая Церковь <..> теперь уже, когда он откололся, вопросы всех иных Церквей отсылаются к Константинопольскому

Престолу и от него получают решение..». Повторят это и в 21 и в 22 вопросах»[12].

В перечисленных пунктах Свитка Константинопольский патриарх формулирует, а полностью на тот момент зависевшие от него три восточных патриарха покорно подписывают[13] классическую папистскую доктрину, явно соглашаясь с претензиями западного папства. Однако, цитируя 8 вопросоответ Свитка 1663 г, Патриарх Варфоломей избегает привести полный его текст, который демонстрирует абсурдность псевдоканонической логики подписантов Свитка.

Так, помимо уже цитированного патриархом Варфоломеем, авторы Свитка 1663 г. ссылаются на 4 правило Сердикского Собора, якобы предоставившее папам права высшего суда во всей Церкви и на толкование Вальсамона, который неоднократно обосновывал свое видение «особых» полномочий Константинопольского патриарха средневековой папистской фальшивкой — т. н. «Константиновым даром». В Свитке приводятся такие слова Вальсамона: «Установленные специальные привилегии папы не ему только принадлежат, но относятся и к Константинопольскому, а по отпадении епископа Римского от Кафолической Церкви принадлежат только Вселенскому престолу. Если же с ним согласны и остальные патриархи, то и в более важных делах вынесенное решение не подлежит изменению». В этом же разделе авторы Свитка, рассуждая о 4 правиле Сердикского Собора, в частности, пишут: «…яко уразуметися может из предисловия соборного того же Карфагенского Собора, и нижее, тем правилом хвалятся архиереи древнего Рима, яко им быша вручены пренесения судов вин епископских всех, и ниже глаголет: яко не все пренесения судов вин епископских всех ему предлагаются, но токмо подданных ему епархий, яже потом престолу Константинопольскому подданы суть, яко да впредь все пренесения судов ему належат»[14]. Логика этого рассуждения такова: папе принадлежали суды только над епископами его Поместной (Западной) Церкви. Однако после отпадения папы от Православия, Константинопольские патриархи приобретают права на епархии папы и, таким образом, становятся высшими судьями всей Церкви. Здесь имплицитно предполагается, что еще до отпадения папы Константинопольские патриархи были высшей судебной инстанцией для все остальных Церквей, кроме Западной. Но более обращает на себя внимание не столько это необоснованное положение, а ультрапапистская концепция авторов Свитка, что с 11 столетия Константинопольские патриархи получили полномочия даже большие, чем могли иметь Римские папы в Церкви до их отпадения.

Современный греческий иерарх и богослов митрополит Пирейский Серафим, рассуждая о правилах Церкви, в частности, Сердикского Собора, в контексте претензий Константинопольского престола на высшую судебную апелляционную власть над Православной Церковью, справедливо пишет:

> «Неразделенная Церковь приняла то что, определяется 3, 4 и 5 правилами Сардикийского

Собора и касается специальной привилегии, которая была дана тогдашнему Православному епископу старейшего Рима ради подчиняющихся ему епископов и только, а не имеет в виду возложение на него высочайшей церковной юрисдикции…

Требования тогдашнего православного епископа старейшего Рима о привилегии высочайшей церковной юрисдикции было отвергнуто Церковью, потому что было принято каноническое постановление Карфагенского Собора через святой VI Вселенский Собор, о том, что будут отлучаться клирики той церковной ветви, которые обращают свои вопросы к епископу старейшего Рима…

Вальсамон характерно отмечает: «Голоса патриархов не подлежат апелляции» (50, 123, 22 ВГ 1, 38); «Блаженнейший Патриарх того диоцеза среди них да будет выслушан и пусть постановит то, что согласно с церковными правилами и законами, если никакая из сторон не высказывается против его мнения». В «Эпанагоге» 11, 6 (JGR, том II, 260) говорится: «Суд Патриарха не подлежит апелляции и не исследуется другим, поскольку он является главой церковных судов». Священный и великий Фотий в Номоканоне 9, 1 (SA 169) пишет: «Решения патриархов не подлежат апелляции».

В соответствии с этим судебное постановление какого бы то ни было Святого и Священного Патриаршего Собора, который составляе,т согласно нашему каноническому праву, полный собор, и которое принимается после рассмотрения спорного вопроса, оказывается не подлежащим апелляции и может быть отменено только Вселенским Собором»[15].

Митрополит Пирейский упоминает важные слова Вальсамона. Важны они как ясное свидетельство противоречивости его толкований, когда речь заходит о границах патриаршей власти, юрисдикции Поместных Церквей, полномочий Константинополя. Как совершенно очевидно, древние и новые апологеты папизма обходят стороной неудобные им цитаты Вальсамона, и не только его. Это является ясным свидетельством того, сколь далеки они от объективности.

Концовка 8-го ответа Свитка восточных патриархов смягчается следующим предложением: «Аще же согласятся прочии Патриарси более вине сущей, ненарушим объявлен будет суд совершенно»[16]. То есть в наиболее серьезных случаях решению Константинопольского патриарха для полной нерушимости требуется согласие остальных Патриархов. **Это существенная оговорка, которая тщательно обходится и игнорируется патриархом Варфоломеем, концепция которого о власти собственного престола уже не нуждается ни в каких ограничениях.**

Справедлива суровая критика данного текста профессором С. В. Троицким: «Эта выдержка является типичной для сторонников Константинопольской мегаломании. Пока Римская церковь входила в состав Церкви Вселенской, Константинопольские канонисты доказывали, что ее глава есть лишь первый между равными патриархами и что его юрисдикция ограничивается лишь Западным патриархатом. Но лишь только произошло его отделение от Вселенской Церкви, как Константинопольские канонисты стали заявлять претензии на папское наследие и стремиться к расширению этого наследия, стали утверждать, что папы имели особые широкие права в Церкви, но, уклонившись в ересь, потеряли их и их унаследовал Константинопольский Патриарх… По своему существу ответ этот есть не что иное, как попытка в корне изменить весь канонический строй Православной Церкви, узурпировав в пользу Константинопольского Патриарха и зависимых от него трех остальных восточных Патриархов права, по догматическому православному учению принадлежащие вселенскому епископату. Ведь если все, даже важнейшие церковные вопросы должны решаться согласием четырех восточных Патриархов, то все остальные епископы, архиепископы, митрополиты и Патриархи теряют свое значение преемников Апостолов и низводятся на положение исполнителей воли этого восточного коллегиального папизма, которые должны лишь слушать и повиноваться. Спрашивается, когда же восточные Патриархи получили такие полномочия? Несомненно, они не имели их во время образования канонического кодекса. Православной Церкви, так как в этом кодексе нет ни слова о таких правах и так как если бы все вопросы могли решаться согласием четырех Патриархов, то Вселенские соборы были бы не нужны. Но если они не имели таких прав в эпоху Вселенских соборов, то не могли получить их и после, так как после Вселенских соборов не существовало такой инстанции, которая бы могла облечь их такими полномочиями.

По православному учению не только папы, но и Патриархи и в отдельности и вместе не обладают непогрешимостью. И история показывает, что еретики бывали и на Константинопольском престоле, а в эпоху VI Вселенского собора в ересь одновременно уклонились три Патриарха — Кир Александрийский, Гонорий Римский и Макарий Антиохийский, за что и были осуждены собором.

Почему же подобные уклонения от православной истины невозможны и в наше время? Ведь сам вышеприведенный ответ Патриархов есть уклонение от православного учения в сторону восточного папизма»[17].

Что касается 21 вопросоответа Свитка, к которому апеллирует патриарх Варфоломей, то он никакого отношения к обсуждаемому вопросу не имеет, так как там речь идет о праве архиереев судить своего патриарха.

22 вопросоответ звучит так:

«Вопрос 22-й. Если подсудимый митрополит или Патриарх, будучи осужден своими епископами, отвергнув их постановление, прибегнет к апелляции, что делать?

Ответ. Постановление Вселенского престола и находящихся при нем (μετ' εκείνον) Патриархов, как законное и каноническое, согласно вышесказанному имеющего такую привилегию, да будет против него действительно, так как в данном случае у него не остается никакой другой отговорки»[18].

Этот ответ, с одной стороны, указывает на необходимость соборного рассмотрения возможных апелляций патриархов и митрополитов на судебные решения своих Поместных Церквей – **что вновь игнорируется патриархом Варфоломеем**. Однако здесь вновь очевидно подчеркивается роль Константинопольского патриарха, не проясняется, все ли патриархи и предстоятели Поместных Церквей имеются в виду. Данный вопросоответ невозможно рассматривать в отрыве от всего контекста документа, особенно от затрагивающего ту же тему и недвусмысленно выражающего идею восточного папизма 8 вопросоответа. Выдающийся канонист профессор С. В. Троицкий прекрасно это понимал. «22-й ответ есть лишь попытка Константинопольского Патриарха, — писал Сергей Викторович, — воспользовавшись делом Русского Патриарха Никона, получить право апелляционной инстанции над Патриархами и даже митрополитами Автокефальной Русской Церкви, для чего, как мы видели при анализе 9-го и 17-го правил Халкидонского собора, нет никакого канонического основания. Ведь 22-й вопрос мог бы быть применен и к самой Константинопольской Церкви: что делать, если какой Константинопольский патриарх или митрополит Константинопольской Церкви не признает осуждения, вынесенного ему Синодом Константинопольской Церкви? И если греческие канонисты не допускают и мысли, что в таком случае вопрос должна решить какая-то другая автокефальная Церковь или несколько их и постановления Константинопольского Синода о низложении своих патриархов (нужно заметить, довольно частые) считают окончательными, то почему же не могут быть окончательными постановления синодов и соборов других церквей относительно их первоиерархов и какая нужда нарушать в данном случае начало автокефалии? Усваивая себе без всякого основания компетенцию апелляционного суда не только для глав церквей, но и для подчиненных этим главам митрополитов, Константинопольские патриархи идут по стопам Римских пап, желавших быть апелляционными судьями для иерархов не только западных, но и восточных, выдавая правила поместного западного Сердикийского собора за правила первого Вселенского Собора, в чем и были изобличены Карфагенским Собором»[19].

Каков был моральный облик двух из четырех патриархов, подписавших Свиток 1663 года – Паисия Александрийского и Макария Антиохийского – хорошо видно из того, как после участия в суде над патриархом Никоном они в письме уговаривают Константинопольского патриарха Парфения IV признать низложение Никона, раскрывая, как пишет профессор Зызыкин, «существенный

мотив, который должен был воздействовать и на Константинопольского Патриарха. Они пишут, что „обычные милостыни вселенской Церкви и другим бедным Патриархатам будут теперь повторены и будут даже увеличены и более удовлетворительны. “И за это мы ручаемся и об этом стараемся изо всех сил“»[20]. Особенно примечательна личность патриарха Антиохийского Макария. Он был сторонником унии и вел на эту тему переговоры с папским двором. Как указывает Стивен Рансимен, Макарий «не только отправил в 1662 г. признание своего тайного подчинения Риму, но в следующем году публично приветствовал папу как своего святого отца на обеде во французском консульстве Дамаска»[21]. В декабре 1663 г. Макарий вновь обратился к Риму как к «Матери-Церкви», приложив к посланию католическое исповедание веры, подписанное собственноручно[22]. Сопровождались все эти измены Православию, естественно, просьбами о вспомоществовании. Подобные фигуры едва ли можно считать выразителями подлинной и неповрежденной церковной традиции.

Следует еще раз подчеркнуть: ни авторы, ни подписанты Свитка 1663 г. не представляли ни полноту Вселенского Православия, ни соборного мнения всего епископата своих Поместных Церквей. Они выразили свою частную позицию, в корне противоречащую Преданию Православной Церкви.

Кроме Свитка 1663 г. существуют другие, более авторитетные документы Восточных патриархов – это их послания 1723 и 1848 гг., а также Окружное Патриаршее и Синодальное послание Константинопольской Церкви 1895 г. по поводу энциклики Льва XIII о соединении церквей. В отличие от текста 1663 г. эти документы не были предназначены для использования в какой-либо внутрицерковной интриге. Они стали важными этапами в попытке максимально полно перед лицом внешнего инославного мира выразить учение Святой Православной Церкви, в том числе, по вопросу о главенстве в Церкви – как правило, в контексте полемики против папства. В этом состоит их особая ценность для исследования рассматриваемой проблемы.

Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о православной вере (1723 г.) лишь немного говорит по интересующей нас теме. Рассуждая о апостольской преемственности епископата, патриархи обращаются к примеру первосвятительских кафедр Древней Церкви: «Посему святой Иоанн Дамаскин в четвертом письме своем к Африканцам говорит, что Церковь Вселенская вообще была вверена Епископам; что преемниками Петра признаются: в Риме – Климент первый Епископ, в Антиохии – Еводий, в Александрии – Марк; что святой Андрей поставил на престоле Константинопольском Стахия; в великом же святом граде Иерусалиме Господь поставил Епископом Иакова, после которого был другой Епископ, а после него еще другой, и так даже до нас»[23]. Здесь обращает на себя внимание подчеркнутое равенство всех патриарших кафедр.

Большее внимание уделяет вопросу первенства в Церкви послание Восточных патриархов 1848 г., полное название документа – «Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам»[24]. Документ обращен к папе Римскому, посвящен полемике с римско-католическими отступлениями от Православия, поэтому не удивительно, что на теме первенства документ останавливается подробно.

«"Его Блаженство, – пишут, в частности Восточные патриархи в Окружном послании", – говорит, что Коринфяне, по случаю возникшего у них несогласия, отнеслись к Клименту, папе Римскому, который обсудивши дело, отправил к ним послание и они читали оное в церквах. Но это событие есть очень слабое доказательство папской власти в Доме Божием: так как Рим был тогда средоточием управления и столицею императоров, то всякое дело, сколь-нибудь важное, как в споре Коринфян, должно было там разбираться, особенно, если одна из спорящих сторон прибегала к постороннему посредничеству. Так бывает и доныне. Патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима, в случае дел необыкновенных и запутанных, пишут к патриарху Константинополя потому, что сей город есть столица самодержцев и притом имеет преимущество, предоставленное Соборами. Если братским содействием исправится нуждающееся в исправлении, то и хорошо; если же нет, то дело передается правительству по надлежащему. Но сие братское содействие в Христианской Вере не бывает на счет свободы Церквей Божиих. Тоже надобно сказать и касательно приводимых Его Блаженством примеров из жизни святых – Афанасия Великого и Иоанна Златоустого, т. е. что это примеры предстательства братского и подобающего преимуществам епископов римских Юлия и Иннокентия».

Итак, преимущество первой кафедры Церкви, будь то в дни Климента Римского, будь то в XIX веке, восточные патриархи в 1848 г. видели в столичном положении этой кафедры в пределах единого государства: вначале Римской, затем – Османской империй. Не священные права, не особый канонический статус, но естественный ход вещей вынуждал при возникновении споров обращаться в столицу, Рим или Константинополь. И даже в случае принимавшихся решений таковые должны были носить братский, а не повелительный характер, не нарушать свободу Поместных Церквей, то есть их автокефалию. Особо подчеркивается, что братское содействие Константинопольского патриарха должно было осуществляться исключительно по просьбе Предстоятелей Поместных Церквей, а не навязываться им. Причем круг проблем, по которым может быть уместно подобное содействие, ограничивается в Окружном послании только такими, какие подпадают под возможную дальнейшую юрисдикцию «самодержца», коим в 1848 году являлся турецкий султан. Таким образом, и эта возможная помощь ограничивается патриархами единственно территорией, подконтрольной султану, и такими делами, которые могут быть подотчетны решению инославной власти, коей являлся тот же султан. Давно уже нет ни Римской, ни Османской империй, ни василевсов, ни султанов, а сам Константинополь является не столицей, а провинциальным городом светской Турецкой республики. По логике Окружного послания 1848

г., даже символические преимущества Константинопольской кафедры теперь совершенно теряют свою актуальность.

Еще более категоричен по отношению к любым притязаниям какой бы то ни было кафедры на властные поползновение над Церковью Христовой текст Окружного Патриаршего и Синодального послания Константинопольской Церкви 1895 г. по поводу энциклики Льва XIII о соединении церквей[25]. Звучащие в нем слова приобретают сугубую актуальность в контексте современной папистской и раскольнической политики патриарха Варфоломея и подчиненного ему синода Константинопольского патриархата:

> «Всякий епископ есть глава и предстоятель своей частной Церкви, подчиняющийся только соборным постановлениям и решениям кафолической Церкви как единственно непогрешимым, и никоим образом не составлял, как показывает церковная история, исключения из этого правила и епископ римский. Единый же вечный Началовождь и бессмертный Глава Церкви Господь наш Иисус Христос, Той есть Глава телу Церкве (Кол. 1.18) … Божественные отцы, почитая епископа Рима только как епископа царствующего града империи, предоставили ему почетную привилегию председательства, смотрели на него просто как на первого между другими епископами, то есть первого между равными, каковую привилегию дали потом и епископу города Константинополя, когда этот город стал царствующим в Римской империи, как свидетельствует о том 28-е правило 4-го Вселенского Халкидонского собора, содержа, между прочим, следующее: Во всем последуя определениям св. отцов, и мы определяем о преимуществах святейшей церкви Константинополя, нового Рима. Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению, и 150 епископов… (т. е., бывших во дни Феодосия на 2 Вселенском соборе в Константинополе) предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима. Из этого правила явствует, что епископ Римский равночестен епископу Церкви Константинопольской и епископам прочих Церквей, и ни в каком правиле и ни у кого из отцов нет и намека на то, что епископ Рима есть единый начальник кафолической Церкви и непогрешимый судья епископов прочих независимых и автокефальных Церквей...
>
> Каждая в отдельности автокефальная Церковь на Востоке и Западе была всецело независима и самоуправляема во времена семи Вселенских соборов. Как епископы автокефальных Церквей Востока, так и епископы Африки, Испании, Галлии, Германии и Британии управляли делами своих Церквей – каждый чрез свои поместные соборы, а епископ Римский не имел права вмешательства, будучи и сам также подчинен соборным постановлениям. По важным вопросам, требовавшим утверждения кафолической Церкви, обращались к Вселенскому собору, который один только был и есть наивысшею властию в

кафолической Церкви» (пп. 14-17).

Позиция Патриарха и членов Синода Константинопольской Церкви в 1895 г. выражена ясно и недвусмысленно:

1) все предстоятели автокефальных Церквей подчиняются только соборным решениям Православной Церкви и не подотчетны никакому другому предстоятелю, на том же положении находится первенствующий епископ Православия;

2) первенство и привилегия Римской и Константинопольской кафедр проистекают исключительного из столичного имперского статуса, которым некогда обладали эти города;

3) первенство Римского и Константинопольского епископов установлено в смысле «первого между равными», а единственная привилегия – это «почетная привилегия председательства», и ничего более;

4) все предстоятели Церквей равночестны между собою, включая Римского и Константинопольского, епископ Римский (а значит, и совершенно равночестный ему епископ Константинопольский) не может быть ни «единым начальником Кафолической Церкви», ни (sic!) «непогрешимым судьей епископов прочих независимых и автокефальных Церквей»;

5) каждая Поместная Церковь является «всецело независимой и самоуправляемой», первенствующий по чести епископ в Церкви Вселенской не имеет права вмешательства, все вопросы общецерковного значения решаются только на Вселенском Соборе.

В свете уничижительных заявлений патриарха Варфоломея о второсортности славянских народов в Православии нелишним будет привести высказывание о славянских Церквах, и в особенности, о Русской Церкви, содержащееся в Окружном послании 1895 г. Константинопольского патриарха Анфима и членов Синода Константинопольского Патриархата в связи с призывами Римского папы к славянам обратиться к католицизму. С учетом сегодняшних нападок на Русскую Православную Церковь эти прозвучавшие более 120 лет назад слова Церкви Константинопольской звучат пророчески:

«Но от всех этих вредных влияний благодатию Божией спасенные невредимыми православные славянские Церкви, возлюбленные дщери православного Востока, и в особенности великая и славная Церковь богоспасаемой России сохранили и сохранят до скончания века Православие веры, представляя собою ясное свидетельство свободы во Христе».

Протоиерей Андрей Новиков

---

[1] Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 7. М, 1996, с. 214.

[2] Троицкий С. В. По поводу неудачной защиты ложной теории // Единство Церкви. М, 2016, с. 441.

[3] Горский А., прот. Несколько сведений о Паисие Лигариде, до прибытия его в Россию // **https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Gorskij/neskolko-svedenij-o-paisie-ligaride-do-pribytija-ego-v-rossiyu/**

[4] Там же.

[5] Зызыкин М. В. Патриарх Никон и его государственные и канонические идеи. Ч III. Варшава, 1938, с. 80.

[6] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. М, 1826, с. 84.

[7] Там же, с. 115.

[8] **http://rgada.info/4/index2.php?str=322** и **http://rgada.info/4/index2.php?str=323**

[9] Макарий (Булгаков), митр. Ук. соч, с. 422.

[10] **https://rusk.ru/newsdata.php?idar=83905**

[11] **http://www.sedmitza.ru/data/2018/10/24/1226248489/Kommentarii_k_interv_yu_episkopa_Makarija_18.10.2018.pdf**

[12] **https://rusk.ru/newsdata.php?idar=83905**

[13] Здесь нельзя не процитировать профессора С. В. Троицкого: «Для того, кто знает, в каком тяжелом положении и в какой зависимости от Константинопольского Патриарха, опиравшегося на власть турецкого султана, находились эти церкви, не будет странным, почему эти папистические акты не всегда находили себе отпор на Востоке, но всякий православный богослов, знающий догматическое и каноническое учение об устройстве Церкви, не может не удивиться, как можно ссылаться на такие акты». (Троицкий С. В. Ук. соч., с. 436).

[14] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. М, 1826, с. 96.

[15] https://mospat.ru/ru/2019/01/16/news169060/

[16] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV, с. 97.

[17] Троицкий С. В. Ук. соч., с. 437-440.

[18] Там же, с. 440.

[19] Там же, с. 440-441.

[20] Зызыкин М. В. Ук. соч., с. 84

[21] Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. СПб, 2006, с. 241.

[22] Православная Энциклопедия. Т. XLII. М, 2016, с. 538.

[23] Послание патриархов Восточно-кафолической Церкви о православной вере (1723 г.) // **https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/1723/**

[24] См. полный текст: **http://www.voskres.ru/bogoslovie/poslanie.htm**

[25] Текст документа: Догматические послания православных иерархов. Киев, 2012, с. 245-270.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46391/